

Годъ

XXVI.

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Марта 10-го.

Содержаніе: Начало утрени въ первый день Пасхи и крестный ходъ кругомъ храма предъ этимъ началомъ.—Права и обязанности пресвитеровъ, какъ членовъ присутственныхъ епархіальныхъ мѣстъ и какъ административно и почетно-должностныхъ лицъ, по постановленіямъ русской Церкви.—Отвѣтъ Иисуса Христа просившимъ отъ Него знаменія.—Разумная голова.

Начало утрени въ первый день Пасхи и крестный ходъ кругомъ храма предъ этимъ началомъ.

Въ первый день Пасхи, при началѣ утрени, одни священники, держась буквально Устава, выходятъ изъ алтаря съ крестнымъ ходомъ въ сѣверную дверь храма (гдѣ, конечно, есть такая дверь) и оттуда доходятъ до затворенной западной двери и здѣсь начинаютъ утрению. Слѣдовательно, обходятъ съ иконами и евангеліемъ не весь храмъ кругомъ, а только четверть храма. Другіе выходятъ изъ храма тоже черезъ сѣверныя двери, идутъ на западъ и, не останавливаясь противъ западной двери, обходятъ далѣе на югъ, востокъ, сѣверъ и приходятъ для начала

утрени опять къ затворенной западной двери. Третьи, наконецъ, выходятъ изъ храма черезъ западныя двери, такъ какъ немногіе храмы имѣютъ сѣверную дверь, обходятъ кругомъ храма и приходятъ снова къ той же западной двери, уже затворенной и здѣсь начинаютъ утреню (Тулъск. епарх. вѣд. 1884 г. № 12 стр. 327). Спрашивается теперь, какая изъ этихъ практикъ ближе всего стоитъ къ Типикону и, слѣдовательно, болѣе другихъ правильная и исторически вѣрная? Иначе говоря: на чемъ коренится нынѣ утвердившійся въ богослужебной практикѣ русской Церкви обычай—дѣлать предъ началомъ утрени крестный ходъ кругомъ храма и затѣмъ уже начинать утреню?

Въ нынѣшнемъ Типиконѣ такъ описывается начало утрени на Пасху: „объ часѣ утреннѣмъ, параккелісархъ, возьмъ благословіе у настоятеля, исходитъ и ударяетъ въ великое, и клететь довольно. И вшедь во храмъ, вжигаетъ свѣщы вся и кандила: устрояетъ же сосуды два со угліемъ горящимъ, и влагаетъ въ нихъ фимиама много благовооннаго и поставляетъ единъ сосудъ среди церкви, другій же во святомъ олтарѣ: яко да исполнится церковь вся благовооніа. Таже настоятель вшедь во святыи олтарь со іереи и діаконъ, облачится въ весь свѣтлѣйшій санъ, и раздастъ свѣщы братіи. И возьметъ честный крестъ: кадило же возьметъ діаконъ, іерей же святое Евангеліе, инъ іерей образъ Воскресенія Христова, и ставятся лицомъ на западъ. И затворятъ врата церковная яже къ западу. Исходитъ настоятель со іереи въ притворъ, сѣверными дверми, предъидущымъ предъ нимъ діакономъ со двѣма свѣщами, и оба ливы, поюще стихиру, гласъ 6: Воскресеніе Твое Христе Спасе¹⁾).

---

¹⁾ Сей стихъ, по замѣчанію нашего Типикона, »не обрѣтается ни во единомъ отъ Уставовъ, ниже въ Пендикостаріяхъ, еже бы здѣ пѣваему быти ему« (л. 397). Дѣйствительно, въ древнѣйшихъ Типиконахъ и Трїодяхъ рукописныхъ и старопечатныхъ, нашихъ и греческихъ этой стихиры въ данномъ мѣстѣ не было. Въ современныя намъ богослужебныя книги она яви-

Таже ударяють во вся кампаны и тяжкая и клецлють довольно. И вшедше въ притворъ и стануть со евангеліемъ и со образомъ лицомъ на западъ, якоже указася прежде“ (л. 397). Это описаніе значительно разнится отъ описанія, какое даетъ нынѣшній греческій іерусалимскій Типиконъ, который тоже, какъ и нашъ Уставъ, ничего не говоритъ о крестномъ ходѣ кругомъ храма, а лишь о выходѣ изъ храма въ притворъ черезъ сѣверныя двери (*καὶ ἐξέρχεται ἐν τῷ νόρθηκι διὰ τοῦ βορείου μέρους*)¹⁾.

дась несомнѣнно подъ вліяніемъ позднѣйшей практики церковей христіанскаго востока (Топик. К. Протофалт. ἐν Κωνσταντ. 1838 г. стр. 191; Великій постъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ. М. 1864 г. стр. 75; Труды Кіевской духовн. Акад. 1866 г. т. I, стр. 483). Эта пѣснь въ Іерусалимѣ поется и въ Великую субботу предъ добываніемъ, такъ называемаго »свѣта святаго«. Въ два часа по полудни совершается крестный ходъ къ кувуклію. Впереди несутъ хоругви, далѣе идутъ пѣвчіе и нѣсколько паръ іереевъ, облаченныхъ въ свѣтлыя ризы. Съ пѣніемъ стихиры: »Воскресеніе Твое Христе Спасе« обходятъ трижды кувуклій, послѣ чего патріархъ нисходитъ въ кувуклій для молитвы о ниспосланіи »свѣта святаго« (Велнк. постъ въ свят. градѣ Іерус. стр. 69).

¹⁾ Топик. edit. Venet. 1643 л. 87. Ὁ δὲ ἱερεὺς ἐν τῷ διακονικῷ ἀλλάσσει πᾶσαν τὴν λευκὴν στολὴν αὐτοῦ, καὶ ἐξέρχεται ἐν τῷ νόρθηκι διὰ τοῦ βορείου μέρους, θυμιῶν. Προπορευομένων αὐτῷ λαμπάδων δύο, καὶ θυμιᾶ ἅπαντας κατὰ τὴν τάξιν. Ὁ δὲ καὶ καθηγούμενος διανέμει τὰ κήρια, ἧ ὁ ἐκκλησιάρχης καὶ ἄπτομεν αὐτὰ πάντες. Μετὰ δὲ τὸ θυμιᾶσαι πάντας, ὁ ἱερεὺς ἴσταται ἐνώπιον τῶν βασιλικῶν πολῶν καὶ ποιῆι σταυρὸν μετὰ τοῦ θυμιατοῦ, λεγῶν. Δόξα τῇ ἁγία... Буквально также описывается этотъ моментъ пасхальной утрени и въ древнѣйшихъ греческихъ рукописахъ. Топик. ркп. XIV в. собр. Норов. (М. Румянц. муз.) № 385 л. 110; ркп. XV в. М. Синод. библ. № 456 л. 119; № 381 л. 158; XVI в. ркп. той же библ. № 487 л. 253 об.; Топикон edit. Venet. 1577 л. 87 об. Въ другихъ же рукописахъ все существенное излагается также, но есть небольшая разница въ текстѣ и не важныхъ подробностяхъ. Выходъ изъ храма въ притворъ не имѣетъ особенностей отъ текста Типикона 1563 года. Триод. ркп. XIV в. Севаст. собр. № 479 л. 99 об.; Топик. ркп. XV—XVI в. М. Синод. библ. № 379 л. 207 об., 208 № 380 л. 177 об.

Даже нынѣшній Типиконъ Церкви Константинопольской и тотъ положительно умалчиваетъ о крестномъ ходѣ предъ началомъ утрени и описываетъ это начало очень сходно съ нашимъ Уставомъ. О выходѣ изъ храма этотъ Уставъ говоритъ нѣсколько неопредѣленно. „Потомъ выходитъ (т. е. священникъ) изъ алтаря, говорится въ этомъ Уставѣ, съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое Христе Спасе“, и поется эта стихира, пока не достигнемъ опредѣленнаго мѣста“ (ἐξ τόν διωρεσμένον τόπον) ¹⁾. Очевидно, подъ этимъ опредѣленнымъ мѣстомъ разумѣется притворъ, куда выходятъ священнослужители въ томъ порядкѣ, какой рекомендуетъ господствующій іерусалимскій Уставъ.

Такимъ образомъ, сличивъ всѣ три обычая нашей современной богослужбной практики относительно начала утрени въ первый день Пасхи съ описаніями его въ уставахъ нашемъ и церковей восточныхъ, мы должны придти къ такому заключенію, что первый изъ нихъ, т. е. обычай выходить изъ храма въ притворъ черезъ сѣверныя двери и не дѣлать крестнаго хода кругомъ храма—этотъ обычай представляетъ намъ буквально-точное выполненіе нашего современнаго Типикона и весьма не многими особенностями ²⁾ разнится отъ практики церковей христіан-

¹⁾ Толков. К. Протофалт. Констант. 1838 стр. 191. Слич. Типик. церковн. изд. Г. К. Протопс. Конст. 1860 г. стр. 298.

²⁾ Существенная разность практики восточныхъ церковей отъ нашей въ данномъ случаѣ заключается въ чтеніи евангелія отъ Маттея зачало 115: »Вечеръ субботній« (Толк. 1838 г. стр. 191; Уст. церк. 1860 г. стр. 298; Труд. Киев. дух. Акад. 1866 г. т. I, стр. 483; Велик. постъ во св. градѣ Іерусал. М. 1864 г. стр. 75). Объ этомъ чтеніи въ современномъ болгарскомъ Типиконѣ дѣлается также любопытное замѣчаніе: »Понеже мнози отъ христіанъ не исходяще изъ храма во время Воскресенія, не точию лишаются слышанія перваго радостотворнаго тропаря славнаго воскресенія, но и евангелія и прочихъ во священносовершеніи томъ бываемыхъ, сего ради въ велицѣй церкви остающъ внутрь храма единъ отъ святыхъ архіереевъ совершаетъ непременно все возслѣдованіе (весь обрядъ) воскресенія къ удовольствію и слышанію въ храмѣ остаю-

скаго востока. Этотъ обычай кромѣ того имѣеть за собою и глубокую историческую давность, которая тоже даетъ ему право считаться болѣе правильнымъ, чѣмъ другіе существующіе нынѣ обычаи.

Самое древнѣйшее описаніе начала утрени на Пасху сохранилось до насъ отъ XI—XII вѣка въ Уставѣ Московской типографской библіотеки. „О святѣй величѣй недѣли¹⁾ вѣдѣти есть, говорится въ этомъ Уставѣ, яко пришествіе З стражу, рекше въ 9 часъ подаваетъ (подаетъ) знаменіе водныхъ часовъ. Также всю недѣлю до антипасхи. Попъ встанетъ возбужая и обиходитъ возбужая братію съ свѣщю, вѣщая яснымъ гласомъ: „Христосъ воскресъ“. Сеже не единою, но многожды. По престаніи же того, ударитъ въ било и всей братіи собирающися въ паперть церковный, и молящемся тихо. Попъ кадилицѣ приимъ²⁾, покадитъ первѣе святыи алтарь, свѣщамъ ему предъ-

---

щихся христіановъ» (Устав. церковн. 1860 г. Конст. стр. 298 прим. 1). Кромѣ чтенія евангелія въ Уставѣ Константинопольской Церкви ничего не говорится о выносѣ иконы Воскресенія Христова и нѣкоторыхъ другихъ неважныхъ подробностяхъ нашего Типикона (Толк. 1838 г. стр. 191).

¹⁾ Греческій подлинникъ всего Устава службы на Пасху изданъ Минемъ въ *Patrol. Curs. Complet.* t. 99 pag. 1704 и съ небольшими отличіями напечатанъ нами по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 456 л. 131 въ статьѣ: »Богослуженіе въ русск. Церкви за первые пять вѣковъ« (Прав. Собесѣдн. 1882 г. ч. I, стр. 269—271).

²⁾ Это мѣсто, трудное для пониманія въ славянскомъ переводѣ, болѣе ясно и удобопонятно изложено въ греческомъ подлинникѣ. Читается это мѣсто такъ: 'Ο καθηγούμενος, τοῦ θυμιᾶσαι λαβὼν τὴν εὐχὴν αὐτοῦ καὶ τὰς χεῖρας ἀπονιψάμενος, θυμιᾷ πρὸς τὸ ἱερόν θυσιαστήριον καὶ κεῖθεν διὰ τῆς ἔμπροσθεν κίχκλιδος ἐξελεθὼν, διέρχεται τὸ βορεῖον κλιῶν τοῦ ναοῦ, ἐκκλησιάρχου μετὰ φανοῦ τῆς λαμπάδος προπορευομένου ἔμπροσθεν αὐτοῦ, καὶ φθάσας τὴν βασιλικὴν λεγομένην πόλην... ἀπέριχεται, θυμιάς τοὺς ἀδελφοὺς. Ἐκφωνεῖ ὁ πρωεστὼς. Δόξα τῇ ἁγίᾳ... Т. е. игумень, прочитавши кадильную молитву и омывши руки, кадитъ сначала святилище, а затѣмъ вышедши изъ него черезъ переднюю рѣшетку идетъ сѣверною дверью храма, съ преднесеніемъ ему впе-

идушимъ и отгуду изъ преднихъ дверей шедъ, приходитъ полунощную страну церкви, идетъ до царскихъ дверей, тѣми изыдетъ. Внегда онъ се творить, приставникъ преходитъ всю братію и даетъ по свѣщи комуждо братіи. Попъ же, якоже речено бысть царьскими дверьми изшедъ покадитъ братію, начиная отъ лѣвыя страны и преходя въ паперть, и паки къ царскимъ дверемъ приходитъ. Посемъ, ставъ предъ дверьми, возгласитъ: „Слава единосущнѣй Тройцѣ“¹⁾. Гораздо проще описывается этотъ моментъ пасхальной утрени въ другомъ памятникѣ того же времени, т. е. XII вѣка. „Во святую и великую недѣлю Пасхи, читаемъ мы въ этомъ памятникѣ, завтра предъ дверьми начинаютъ пѣніе се, и поюще внидутъ: пѣніе гласъ 5 „Христосъ воскресъ“²⁾. Изъ всѣхъ этихъ описаній становится ясно, что въ древности утрени пасхальная начиналась или непосредственно въ притворѣ, изъ котораго уже потомъ переходили въ храмъ для пѣнія утрени, или же въ храмъ входилъ только одинъ священникъ, кадилъ алтарь и церковь и черезъ сѣверныя двери или же прямо черезъ западныя выходилъ къ собравшемуся народу въ притворъ и здѣсь начиналъ утрению. О крестномъ ходѣ кругомъ храма и о выносѣ иконъ и Евангелія изъ храма здѣсь нѣтъ и помину. Такъ было въ нашей практикѣ безъ всякаго сомнѣнія до появленія на Руси списковъ Устава іерусалимскаго, въ которыхъ начало утрени описывается уже съ большою подробностію и большими церемоніями. Эти подробности въ очень мно-

---

реди еклисиархомъ зажженной лампады, и доходить до такъ называемой царской двери, кадитъ братію. Предстоятель возглашаетъ: > Слава святѣй < (Топч. ркп. М. Синод. библ. № 456 л. 141 Слич. Сергія мѣсяц. восток. ч. I стр. 42 прилож.).

¹⁾ Устав. ркп. XI—XII в. М. Типограф. библ. № 285 л. 9 об.—11 ркп. XII—XIII в. М. Синод. библ. № 330 л. 36—38. Слич. Полн. мѣсяц. восток. Сергія Москв. 1876 г. ч. I стр. 38—43 прилож.

²⁾ Трїод. ркп. XII в. М. Типограф. библ. № 254 л. 186 об.—187; Слич. той же библ. № 255 л. 54—55.

гомъ сходны съ тѣми, какія представляетъ намъ нашъ современный Типиконъ. Предъ началомъ звона къ заутрени канонархъ ставилъ два сосуда съ горячими угольями—одинъ на срединѣ храма, а другой у царскихъ дверей. Въ алтарѣ вѣшалось кадило, наполненное тоже горячими угольями. Всюду онъ всыпалъ еміамъ и куренія, чтобы весь храмъ наполнился благовоіями. Затѣмъ, испросивъ благословеніе у игумена, канонархъ „ударялъ въ камбонарій напрасно и во вся древа и желѣзная и тяжкая амбаны и клецель довольно“. По облаченіи „во весь свѣтлѣйшій санъ“, священники со свѣчами въ рукахъ, а игумень кромѣ того и съ кадиломъ, а по нѣкоторымъ памятникамъ—съ крестомъ и кадиломъ¹⁾, съ верными дверями выходили въ притворъ церковный. Впереди шли два пономаря съ подсвѣчниками, а за ними діаконъ съ лампадою. По приходѣ въ притворъ, церковныя двери затворялись. Игумень кадилъ всѣхъ находящихся въ притворѣ, а прочіе священники стояли „молящися въ себѣ и благодаряще насъ ради пострадавшаго и воскреснаго Христа Бога нашего“. Послѣ кажденія игумень подходилъ къ церковнымъ дверямъ, кадилъ діакона, стоящаго предъ нимъ съ лампадою, и передавалъ ему кадило. Діаконъ, принявъ кадило изъ рукъ игумена, кадилъ его и снова передавалъ ему. Игумень становился на свое мѣсто и произносилъ возгласъ: „Слава святѣй“, послѣ чего самъ онъ и прочіе священники пѣли трижды тропарь: „Христосъ воскресъ“. Пѣвцы повторяли тоже самое три раза. Игумень послѣ этого произносилъ тѣ самыя стихи псалма, которые положены и нынѣ, а пѣвцы на нихъ отвѣчали всякій разъ троекратнымъ пѣніемъ тропаря: „Христосъ воскресъ“²⁾. —Однимъ словомъ мы видимъ описаніе начального мо-

---

¹⁾ Часосл. ркп. XVI в. Солов. библ. № 1146 л. 247; Цвѣтн. Тріод. изд. М. 1591 г. л. 206.

²⁾ Устав. ркп. 1492 г. Солов. библ. № 1128 л. 301 об., 302; ркп. XV и XVI вв. той же библ. № 1116 л. 454 об.; № 1118 л. 362;

мента пасхальной утрени, за немногими исключениями, во всемъ сходное съ нынѣшнимъ. О выносѣ иконъ изъ храма и крестномъ ходѣ кругомъ монастыря или храма, согласно съ древнѣйшею практикою церквей восточныхъ¹⁾, наши Типиконы XV и XVI и даже XVII вѣковъ ничего не говорятъ. Но съ XV вѣка уже начинаетъ входить въ нашу богослужебную практику и другой обычай—выносить изъ храма крестъ, иконы и Евангеліе и ходить съ ними кругомъ храма. Обычай этотъ внѣ всякаго сомнѣнія соблюдался далеко не вездѣ, за что говоритъ единичность памятника, содержащаго въ себѣ указаніе на этотъ обычай, и, какъ „новшество“ богослужебной практики, заслужилъ неодобренія даже со стороны современниковъ. „А еже округъ божественныя Церкви трижды ходити съ евангеліемъ и крестомъ и иконами, говорится въ интересующемъ насъ памятникѣ, сего не предаеть намъ уставленія образъ“²⁾. Что въ данномъ случаѣ запрещается не только отправлять эту процессію троекратно, какъ думаетъ проф.

ркп. Анз. скит. № 85 л. 359 об.; № 86 л. 339; ркп. 1554 г. Казан. Спасо-Преобр. М., писанныя рукою св. Варсонофія л. 440; ркп. М. Синод. библ. 1438 г. № 331 л. 215 об.; 1553 г. № 337 л. 444; ркп. Типогр. библ. № 288 л. 363 об.; № 289 л. 377; Цвѣтн. Триод. ркп. Солов. библ. № 1072 л. 138; № 1073 л. 113 об.; Слѣд. Псал. ркп. той же библ. № 769 л. 513 об.; № 771 л. 467 об.; № 772 л. 616; № 773 л. 415; Часосл. ркп. той же библ. № 1146 л. 247; № 1148 л. 389; № 1150 л. 738; № 1152 л. 299; № 1151 л. 375; № 1165 л. 140; Служебн. ркп. той же библ. № 1020 л. 29 об.; № 1025 л. 47 об.

¹⁾ Тольк. ркп. М. Синод. библ. № 379 л. 207 об.; № 380 л. 177 об.; № 381 л. 158; № 456 л. 119; № 487 л. 253 об.; ркп. Норов. собр. № 385 л. 110; Триод. ркп. Севаст. собр. № 472 л. 223 об.; № 479 л. 99 об.; Тольк. edit. 1577 ап. л. 87 об.; Молд.-влах. Типик. ркп. Румянц. муз. № 443 л. 133.

²⁾ Общ. Миняе ркп. Моск. духовн. Акад. XV в. № 77 л. 233 об., 234 (Мансвет. О пѣсенн. послѣдовап. стр. 79, прим. 1).

И. Д. Мансветовъ¹⁾, но и вообще хожденіе съ иконами кругомъ храма, это можно видѣть изъ того, что въ той же самой общей Минее XV в., рукописи Московской духовной Академіи, содержащей въ себѣ два Устава начала утрени на Пасху: одинъ примѣнительно къ прежнему порядку, когда дѣйствовалъ въ практикѣ Уставъ студійскій, а другой—къ новому, какъ описывается пасхальная утренья въ только что утвердившемся въ практикѣ Уставѣ іерусалимскомъ, мы не видимъ ни одного слова объ этомъ „непреданномъ намъ уставленія образъ“ или обрядѣ, а видимъ только его осужденіе. Это молчаніе настоящаго памятника, съ такою подробностію излагающаго обычай существовавшіе, существующіе и только что появившіеся въ нашей богослужбной практикѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, это молчаніе о крестномъ хожденіи кругомъ храма съ иконами мы могли бы назвать страннымъ, если бы вышеуказанное запрещеніе относилось не ко всему вообще новому, не одобряемому Уставомъ, обычаю, а лишь только къ троекратному хожденію съ иконами кругомъ храма. Какъ бы тамъ ни было, но въ памятникахъ позднѣйшаго времени мы не находимъ болѣе указаній на этотъ случайно появившійся обычай—ходить предъ началомъ утрени кругомъ храма съ иконами и евангелиемъ. Даже Обиходники, или мѣстно-русскіе Уставы XVI вѣка, столь обильные разнаго рода процессіями, церемоніями и крестными ходами, господствующимъ Уставомъ не предусмотренными, и тѣ ни единымъ словомъ не обмолвились относительно настоящаго обычая. Очевидно, вышеприведенное замѣчаніе относительно его, попавшее на страницы богослужбной книги изъ какой нибудь грамоты епископа или даже митрополита, возымѣло свое дѣйствіе и въ самомъ началѣ положило конецъ этому не согласному съ дѣйствующимъ Уставомъ обычаю. Наши монастырскіе Обиходники напротивъ представляютъ намъ такое описаніе

---

¹⁾ О пѣсенномъ послѣдованіи. (Его древнѣйшая основа и общій строй) Мансвет., проф. М. дух. Акад. стр. 79.

начала пасхальной утрени, что мы должны оставить рѣшительно всякую мысль о крестномъ ходѣ кругомъ храма и утвердиться въ томъ положеніи, что этого хода не только не было въ монастырской практикѣ, но даже не могло быть, потому что Обиходники указываютъ выходить изъ храма черезъ западныя двери, и слѣдовательно лишаютъ возможности совершить и ту четверть хода, какую допускалъ господствовавшій іерусалимскій Уставъ. Впрочемъ, къ особенностямъ монастырскихъ Обиходниковъ нужно отнести обычай выносить изъ храма въ данномъ случаѣ кресты и иконы. Вотъ какъ описывается начало пасхальной утрени въ Обиходникахъ, или Уставахъ монастырей св. Кирилла Бѣлозерскаго и св. Антонія Сійскаго. Послѣ облаченія „въ ризы свѣтлыя, якоже на обѣдни“ священниковъ, пономари раздавали свѣчи и, при звонѣ „во всѣ колоколы“ черезъ западныя двери съ крестами и иконами выходили въ паперть. Здѣсь, лица, имѣвшіе въ рукахъ иконы и кресты становились „къ церкви хребтомъ“ въ такомъ порядкѣ: прежде съ крестами, потомъ съ евангеліемъ, затѣмъ съ иконою Воскресенія. Настоятель становился предъ иконами, по бокамъ его стояли другіе священники, а ниже пѣвчіе и народъ. Въ храмѣ не оставалось ни одного человѣка. „Не останется ни одинъ въ церкви“, замѣчаютъ Обиходники. Въ рукахъ настоятеля былъ крестъ, „подножіе котораго обвито ширинкою со свѣщею“¹⁾, въ рукахъ діа-

---

¹⁾ Въ этомъ нужно видѣть нѣчто похожее на нашъ нынѣшній три-свѣщникъ или трикирій, употребляемый священникомъ въ пасхальную недѣлю и въ день отданія Пасхи въ началѣ каждаго богослуженія. Объ этомъ трикиріи въ Уставѣ, нынѣ дѣйствующемъ, ничего не говорится. Въмѣсто этого въ немъ дѣлаются замѣчанія относительно діаконовъ, предъидущихъ священнику » съ двѣма свящами « при выходѣ изъ храма, о свѣтильникахъ, стоящихъ » по обою страну « священника, при началѣ самой пасхальной утрени и » о двухъ лампадахъ «, предъидущихъ священнику, при входѣ его во храмъ изъ притвора послѣ начала утрени. Всѣ эти замѣчанія относятся собственно къ утрени перваго дня пасхальной недѣли, а въ остальные дни

кона—кадило, которое бралъ у него настоятель уже въ паперти.
Тропарь: „Христось воскресе“ настоятель пѣлъ два раза, а въ

священникъ начинаеть службы по Уставу съ однимъ кадиломъ въ рукахъ (л. 404) и только въ отданіе Пасхи > съ кадиломъ и со свѣщю < (л. 423). Даже въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ архіерей начинаеть эти службы съ однимъ крестомъ безъ трикирія, а архимандритъ даже и безъ креста съ одною свѣщю въ рукахъ (Никольск. Пособ. къ изуч. устав. богосл. стр. 613 прим. 2 и стр. 618 прим. 2). Откуда явился къ намъ обычай употреблять при пасхальномъ богослуженіи трикирій, особеннымъ образомъ устроенный— сказать прямо и точно, по отсутствію данныхъ, трудно. Рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время возможно только предположительное и вѣроятное. На сколько можно судить, по имѣющимся у насъ подъ руками богослужебнымъ книгамъ прежняго времени и современнымъ Церквей греческихъ и описаніямъ пасхальной службы въ Іерусалимѣ нашими русскими полонниками,— употребленіе трикирія священниками въ данномъ случаѣ не практиковалось и не практикуется доселѣ на всемъ христіанскомъ востокѣ. Въмѣсто него священники начинаютъ утреню и служатъ ее съ одною простою зажженною свѣщю, которую они иногда получаютъ изъ рукъ настоятеля, призывающаго священнослужителей возгласомъ: > Δεῦτε, λάβετε φῶς— Приидите, примите свѣтъ <. На этотъ призывъ священнослужители отвѣчаютъ дружно вмѣстѣ съ народомъ: > Ἐκ τοῦ ἀνεσπέρου φωτός— Отъ невечернаго свѣта < и подходятъ къ настоятелю, чтобы отъ его свѣчи зажечь свои свѣтильники (Труды Кіев. дух. Акад. 1866 г. ч. I стр. 482). Можно поэтому думать, что употребленіе трикирія священникомъ при пасхальномъ богослуженіи въ его настоящемъ видѣ есть явленіе въ нашей богослужебной практикѣ новое и быть можетъ даже чисто мѣстно-русскаго характера, выродившееся естественнымъ путемъ изъ обычая, существовавшаго когда то у насъ, употреблять при нѣкоторыхъ службахъ, три свѣчи. Такъ, напр., въ рукописномъ служебникѣ XII вѣка № 604—343 Московской Синодальной библиотеки указывается діакону на преждеосвященной литургіи произносить возгласъ: > Свѣтъ Христовъ < съ тремя свѣщами. > И шедъ діакъ, говорится здѣсь, съ кадиломъ и тремя свѣщами, глаголетъ: > Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ < (Опис. ркп. М. Синод. библ. ч. I отд. III М. 1869 г. стр. 8). Въ уставѣ конца XIV вѣка № 332—385 говорится по этому поводу: > священникъ беретъ въ правую руку кадило, въ лѣвую свѣщи три < (Мансв. о пѣсен. послѣд. стр. 80 прим.). Эти три свѣчи въ другихъ памятникахъ

третьй разъ только до половины. Окончаніе тропаря допѣвалъ клиръ, послѣ чего настоятель говорилъ стихи, на которые хоръ

въ томъ же случаѣ замѣняются двумя (Ibid. стр. 27) иногда двумя >витыми< (Устав. XVI в. ркп. Солов. библи. № 1117 л. 130) и даже просто свѣщами въ неопредѣленномъ количествѣ (Ibid. стр. 23). Какъ бы тамъ ни было, но употребленіе трехъ свѣчей при богослуженіи практиковалось у насъ и эти три свѣчи считались безъ сомнѣнія, какъ и на востокѣ, имѣющими одинаковое значеніе съ трикиріемъ. (Symeon Thessal. de templ. Mign. Patrol. curs. complet. 155 pag. 349). Появленіе нынѣшняго трикирія при пасхальномъ богослуженіи есть, по нашему мнѣнію, весьма удачная замѣна упоминаемыхъ въ Уставѣ >лампадъ<, >свѣчъ< и >свѣтильниковъ<, предшествующихъ священнику и сопутствующихъ ему при этомъ богослуженіи. Самая форма этого трикирія, отличная отъ трикирія, употребляемаго при богослуженіи архіерейскомъ, во многомъ напоминаетъ собою трикиріи, употребляемые нынѣ въ малой Россіи простымъ народомъ въ день Богоявленія, отъ чего и праздникъ этотъ называется иногда праздникомъ >свѣтовъ<. Эти трикиріи суть ничто иное, какъ три обыкновенныя восковыя свѣчи, соединенныя вмѣстѣ и изогнутыя на концахъ по направленію къ держащему ихъ для образованія ручки, которая обвивается платками (въ древности—ширинкою) и убирается искусственными или же натуральными, но высушенными цвѣтами. Съ этими трикиріями народъ стоитъ во время освященія воды на вечернѣ въ канунъ Богоявленія и на другой день послѣ литургіи на рѣкѣ. Обычай стоять со свѣчами при водоосвященіи всѣмъ молящимся безъ исключенія практиковался и въ древне-русской Церкви (Тип. св. Варсоноф. ркп. XVI Каз. Спасск. м. л. 278). Въ Великороссіи въ старину, при освященіи воды, >діаконъ держалъ три витыхъ свѣчи на осѣненіе водѣ< (Устав. XVI в. ркп. Солов. библи. № 1117 л. 130 об.; № 1118 л. 469, ркп. Анз. ск. № 86 л. 523 об., 524) и свѣчи эти иногда назывались просто >триплетенною горящею свѣчею< (Служебн. ркп. XVI в. Солов. библи. № 1025 л. 275 об.). Этотъ послѣдній обычай не исчезъ окончательно и до настоящаго времени и три горящія восковыя свѣчи—трикирій гасятся въ освящаемой водѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи и доселѣ при всякомъ водоосвященіи. Нынѣшній священническій трикирій имѣетъ металлическую выгнутую ручку съ тремя чашечками для свѣчъ и съ небольшою иконкою Воскресенія Христова въ сіяніи на верху. Самая ручка украшается парчею съ позументомъ или же

отвѣчалъ всякій разъ троекратнымъ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“. Въ заключеніе настоятель снова пѣлъ до половины

даже цвѣтамъ. Дѣйствительно сходство между обоими указанными нами трикиріями, за исключеніемъ иконы Воскресенія Христова, весьма большое, но утверждать, что одинъ былъ прототипомъ другого не осмѣливаемся, хотя и не видимъ здѣсь ничего невозможнаго. Но говоря выше, что въ практикѣ греческой Церкви не употребляется въ данномъ случаѣ особый священническій трикирій, который тамъ замѣняется, какъ мы уже знаемъ, свѣчю, мы, однако, должны не забывать, что обычай держать въ рукахъ икону Воскресенія Христова въ крестныхъ ходахъ, а по всей вѣроятности и въ началѣ каждаго пасхальнаго богослуженія практикуется и на христіанскомъ востокѣ, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ Іерусалимской Церкви. Наша русская путешественница А. Селиванова, описывая крестный ходъ изъ патриаршаго дома въ храмъ Воскресенія на первый день Пасхи предъ началомъ вечерни, между прочимъ, о шествіи патриарха въ этомъ ходѣ говоритъ такъ: >Держа въ лѣвой рукѣ зажженную свѣчу, а въ правой чудный эмалевый образъ Воскресенія въ рамкѣ изъ изумрудовъ, рубиновъ и бриліантовъ, патриархъ вышелъ изъ своего дома въ сопровожденіи всего духовенства и т. д. (Истор. Вѣстн. 1884 г. декабрь, № 12 стр. 701). Въ этомъ >эмалевомъ образѣ Воскресенія въ рамкѣ< мы могли бы видѣть нѣкоторое, по крайней мѣрѣ въ одной части, сходство съ нашимъ нынѣшнимъ священническимъ трикиріемъ, на верху котораго тоже красуется икона Воскресенія въ лучахъ вмѣсто оправы и поставили бы несомнѣнно рассматриваемый нами трикирій въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи въ зависимость отъ упомянутаго ручнаго образа Воскресенія въ Церкви іерусалимской, если бы съ другой стороны были увѣрены въ его чисто греческомъ происхожденіи (ни о чемъ подобномъ греческіе богослужебные памятники не упоминаютъ) и если бы не имѣли нѣкоторыхъ основаній предполагать русское происхожденіе даннаго обычая у самихъ грековъ, потому что, и по словамъ самой г-жи Селивановой, эта ручная драгоцѣнная икона Воскресенія есть >даръ (русскаго) великаго князя Константина Николаевича< (Ibidem). Но во всякомъ случаѣ, если только въ этомъ образѣ Воскресенія, употребляемомъ іерусалимскимъ патриархомъ при пасхальномъ богослуженіи нельзя видѣть нѣкотораго прототипа иконы Воскресенія, находящейся на нашемъ священническомъ трикирії нынѣ, то появленіе здѣсь этой иконы у насъ остается, по отсутствію всякихъ

тропарь, а конецъ допѣвалъ хоръ. При этомъ „власть крестомъ двери отворить“ и всѣ входятъ въ храмъ для слушанія утрени¹⁾. Изъ этого описанія мы видимъ, что наши Обиходники только прибавляютъ выносъ иконы, крестовъ и Евангелія, что потомъ стали указывать и нашъ современный іерусалимскій Типиконъ, и рекомендуютъ выходъ въ притворъ прямо черезъ западныя двери, а во всемъ остальномъ они ничѣмъ не разнятся отъ господствующаго іерусалимскаго Устава. О крестномъ ходѣ кругомъ храма эти Обиходники сохраняютъ глубокое молчаніе. Поэтому мы должны сказать, что первая практика—выходить въ притворъ черезъ сѣверныя двери и не дѣлать крестнаго хода кругомъ храма, будучи вполне согласна съ предписаніемъ дѣйствующаго церковнаго Устава, одобряется и не противорѣчитъ обычаямъ и Уставамъ церквей христіанскаго востока и въ тоже

инныхъ данныхъ, безъ всякаго объясненія. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ мы должны придти относительно священническаго трикирія, употребляемаго во время пасхальной недѣли и отданія Пасхи къ тому заключенію, а) что явленіе это въ нашей богослужебной практикѣ мѣстно-русскаго происхожденія и представляетъ весьма удачную замѣну »лампадъ«, »свѣтильниковъ«, »двухъ свѣчей«, предшествующихъ и сопугствующихъ священнику, по Уставу, за каждымъ богослуженіемъ перваго дня Пасхи; б) выработался онъ подъ вліяніемъ тоже древне-русскаго обычая употреблять при нѣкоторыхъ богослуженіяхъ три свѣчи; в) форма этого трисвѣщника во многомъ напоминаетъ трикирія, употребляемые въ малой Россіи и даже въ Велико-россіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на Богоявленіе и при совершеніи вообще водосвященій и г) наконецъ нынѣшнюю небольшую икону Воскресенія въ лучахъ, находящуюся на нашемъ трикирії, можно ставить въ генетическую зависимость отъ подобной иконы въ оправѣ, употребляемой при пасхальномъ богослуженіи іерусалимскимъ патріархомъ, если, конечно, этотъ обычай іерусалимской Церкви, какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, не позаимствованъ изъ Россіи.

¹⁾ Обиходн. ркп. Солов. библ. № 1117 л. 211 об., 212; ркп. М. Синод. библ. № 814 л. 270 об.—271; № 829 л. 13 об.; ркп. Волокол. библ. № 338 л. 253—255; № 342 л. 40 об.—41.

время имѣть за собою глубокую историческую давность, на столько прочно установившуюся, что всякаго рода уклоненія отъ этого обычая преслѣдовались въ практикѣ, какъ аномальность и противорѣчіе сложившимся издавна порядкамъ. Хожденіе кругомъ храма съ иконами помимо того, что находится въ прямомъ противорѣчій съ Уставомъ нынѣ дѣйствующимъ и расходится съ обычаями, одобряемыми практикою церковей восточныхъ и нашей древне-русской, едвали безъ натяжки можетъ быть поставлено въ соотвѣтствіе съ тою идеею, выраженіе которой хотятъ видѣть въ этомъ обрядѣ. „Обыкновенно, говорятъ изъяснители этого обряда, изъ притвора выходятъ внѣ храма и обходятъ храмъ (отъ запада на югъ, востокъ и сѣверъ), какъ бы изображая муроносиць, шедшихъ утру глубоку помазать тѣло Христа Спасителя“ (Никол. Пособ. къ изучен. Устав. богосл. правосл. Церкв. Спб. 1874 стр. 614). Но Воскресеніе Христа Спасителя совершилось, по сказанію евангелистовъ, задолго до прихода муроносиць, которыя нашли уже отваленнымъ камень отъ дверей гроба (Матѳ. XXVIII, 5; Марк. XVI, 6; Лук. XXIV, 2; Иоан. XX, 1, 2). Мы же, изображая муроносиць этимъ ходомъ, являемся ко гробу еще запечатанному, что выражаетъ храмъ съ затворенными дверями, присутствуемъ при самомъ радостномъ моментѣ воскресенія Христова и слышимъ изъ устъ священниковъ первую вѣсть объ этомъ въ тропарѣ: „Христосъ воскресъ“. Явное несоотвѣтствіе съ евангельскимъ сказаніемъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, гораздо цѣлесообразнѣе придавать такое значеніе крестному ходу, совершаемому въ нѣкоторыхъ монастыряхъ послѣ литургіи въ этотъ день.

Какъ бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ нашимъ крестнымъ ходомъ кругомъ храма и при томъ съ троекратнымъ хожденіемъ, какъ это мы видѣли въ нашихъ памятникахъ XV вѣка, можно указать на обычай Иерусалимской церкви дѣлать крестный ходъ въ кувуклію предъ началомъ утрени. „За два часа до полуночи начали благовѣстять къ утрени, описываетъ встрѣчу Пасхи нашъ

русскій извѣстный путешественникъ ¹⁾ по востоку въ 1858 году, ударяя въ токи съ переборами, весьма искусно. Пришелъ патриаршій намѣстникъ со всеѣмъ соборомъ и былъ встрѣченъ у дверей съ обычною церемоніею. Началась утренняя по Уставу. Въ то же время стали зажигать по всему храму свѣчи и паникадила и вскорѣ „вся исполнишася свѣта“. Особенно часовня гроба Господня сіяла и свѣтилась „во истину чертога всякаго царскаго краснѣйша“; особенно изящно и старательно былъ убранъ передній фасадъ ея серебряными и золочеными иконами и фигурами, въ которыхъ отражался свѣтъ серебряныхъ и серебropозлащенныхъ лампадъ съ разноцвѣтными стаканчиками,—и наконецъ множествомъ свѣчей бѣлаго воска, коими обставлены были карнизы и капители колоннъ. Отъ тысячи лампадъ, освѣтившихъ самыя возвышенныя точки обоихъ куполовъ, храмъ сдѣлался по истинѣ „небесоподобнымъ“. Духовенство облачалось въ алтарь: на архіереяхъ были бѣлыя глазетовыя одежды, шитыя золотомъ. По облаченіи начался крестный ходъ: впереди несли 12 богато шитыхъ золотомъ и убранныхъ жемчугомъ хоругвей. Три раза духовенство обошло вокругъ кувукліи, все съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое Христе Спасе“... Потомъ духовенство остановилось противъ двери святаго Гроба. Митрополитъ, войдя во внутрь, вскорѣ вышелъ съ евангеліемъ и въ дверяхъ придѣла св. Ангела, обратясь лицомъ къ народу прочиталъ воскресное евангеліе (Матѣ. зач. 115). Потомъ взявъ кадило, онъ кадилъ предстоящихъ. Затѣмъ войдя внутрь св. Гроба вмѣстѣ съ сослужащими архіереями, возгласилъ: „Слава святѣй“. Владыки отвѣчали: „Аминь“, и вслѣдъ за тѣмъ все вкупѣ воспѣли надъ самымъ живоноснымъ Гробомъ радостную пѣснь воскресенія: „Χριστός ἀνέστη“. Пѣвчіе громогласно повторили пѣснь во храмѣ. Тогда забили въ токи, завертѣли хоруг-

¹⁾ Архимандритъ Леонидъ, нынѣ намѣстникъ Троице-Сергіевской Лавры, бывший нѣкоторое время начальникомъ нашей миссіи въ Іерусалимѣ.

вами и съ многократнымъ повтореніемъ побѣдной пѣсни: „Христосъ воскресъ“ вошли въ алтарь, и на Гробъ Господнемъ началась литургія“ (Велик. постъ во св. градѣ Іерусал. стр. 74—75. Слич. Истор. вѣстн. 1884 г. кн. XII стр. 700). Связь нашего обычая съ описаннымъ сейчасъ началомъ утрени на Пасху въ Іерусалимѣ дѣйствительно можно усматривать. Быть можетъ даже подъ вліяніемъ этого обряда Іерусалимской Церкви явился и у насъ настоящій обычай. Но какъ обычай исключительный въ самой Іерусалимской Церкви, вызванный обстоятельствами воспоминаемыхъ событій, и не практикуемый въ остальныхъ мѣстахъ христіанскаго востока, эта практика едва ли можетъ имѣть такое же право на свое существованіе и у насъ, и если допускать ее, то допускать, какъ только исключеніе, Уставомъ не предусмотрѣнное. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, какое значеніе придаютъ этому крестному ходу въ Іерусалимѣ, но собственно говоря сходство между Іерусалимскимъ и нашимъ обрядомъ только видимое. Въ Іерусалимѣ троекратное обхожденіе кругомъ кувуклія есть, кажется, повтореніе обычное во всѣхъ процессіяхъ, совершаемыхъ въ Іерусалимѣ на послѣднихъ дняхъ Страстной седмицы—и только, тогда какъ у насъ этотъ обычай существуетъ вполнѣ самостоятельно, наравнѣ съ ходомъ кругомъ храма съ Плащаницею и евангеліемъ въ Великую субботу на утрени, и даже имѣетъ, какъ мы видѣли, особое значеніе...

Такимъ образомъ изъ всего нами сказаннаго можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Нынѣшній порядокъ начала утрени Пасхи въ своемъ цѣломъ составѣ, какъ его излагаетъ Типиконъ, получилъ свое начало въ XVI вѣкѣ, а окончательно утвердился въ нашей богослужебной практикѣ только въ XVII вѣкѣ, со времени внесенія его въ печатный Типиконъ. Тотъ же порядокъ до XVI вѣка, будучи во многомъ сходенъ съ нынѣшнимъ, ничего не говоритъ, согласно съ древнѣйшею практикою церкви восточныхъ, о выносѣ креста, Евангелія и другихъ иконъ.

2) Нынѣшній порядокъ начала утрени на Пасху во всемъ сходенъ какъ съ древнѣйшими греческими богослужбными памятниками, такъ и съ позднѣйшею практикою церковей восточныхъ.

3) Выходъ съ евангеліемъ, иконами и хоругвями для начала пасхальной утрени долженъ совершаться, согласно съ древнѣйшею и новѣйшею практикою Церкви греческой и земель югославянскихъ и съ предписаніемъ нашихъ древнѣйшихъ Типиконъ и современнаго намъ, черезъ сѣверныя двери и направляется прямо въ притворъ къ западнымъ затвореннымъ дверямъ. Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ нѣтъ сѣверной двери, въ храмѣ, выходъ этотъ долженъ быть, по обычаю древнѣйшей практики монастырей св. Кирилла—Вѣлозерскаго и св. Антонія—Сійскаго, черезъ западныя двери, которыя, по выходѣ изъ храма, тотчасъ же затворяются на глухо и настоятель начинаетъ передъ ними утрению по Уставу.

4) О крестномъ ходѣ съ иконами и евангеліемъ кругомъ храма предъ началомъ утрени, явившемся въ богослужбной практикѣ нашей Церкви нѣкоторыхъ мѣстъ еще въ XV столѣтіи и практикуемомъ иногда и доселѣ, Типиконы древнѣйшей и современный намъ Церковей греческой и русской ничего не говорятъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ современная практика Церкви Іерусалимской, находящейся въ исключительномъ положеніи по отношенію къ настоящему торжеству. Эта практика допускаетъ обычай, во многомъ напоминающій намъ этотъ крестный ходъ, но существенно отъ него различающійся. Поэтому, гдѣ этотъ обычай имѣетъ силу давности и историческихъ традицій и ставится въ связь съ обычаемъ Церкви Іерусалимской, дабы не вызывать ропота со стороны прихожанъ, привыкшихъ къ нему, долженъ совершаться согласно съ практикою Іерусалимской Церкви. Т. е. священникъ съ иконами, хоругвями и евангеліемъ долженъ трижды обходить св. храмъ съ пѣніемъ стихиръ: „Воскресеніе Твое Христе Спасе“ и затѣмъ уже приходитъ въ притворъ для начала утрени. Выходъ изъ

храма долженъ совершаться или черезъ сѣверныя двери, или же, по отсутствію ихъ, черезъ западныя. Во все время хода звонъ не долженъ прекращаться до прихода въ паперть для начала утрени.

А. Дмитріевскій.
